

го побережья в процессе абхазской миграции на северо-запад; недаром Ф.Ф. Торнау называет Али-Ахмета и его общество абхазами.

Военное искусство

Общественному устройству убыхов соответствовала и военная организация их. «У убыхов право воевать <...> принадлежит всякому свободному человеку. Никто не вправе запретить отдельному члену общества отправиться на войну, хотя бы народ, против которого отправляются воевать <...> и не находился во враждебных отношениях с убыхами» [136, май, с. 311]. Приводимые в литературе факты говорят об избрании военачальников. Причем «происхождение тут (при избрании. — Л.Л.) не имеет никакого влияния». Главными же критериями при отборе кандидатов являлись: мужество, сила, выносливость и боевые заслуги [66]. Но кроме избрания предводителя, очень часто сам, желающий предводительствовать, собирал себе партию для похода [136, май, с. 311]. «Воины каждой деревни или околотка составляют особое отделение, которое называется отдельным огнем по имени деревни или околотка. В таком отделении бывает от 10 до 100 человек, и оно имеет своего старшину или начальника, который делает наряды и ведет очередь, кому из воинов следует идти на стражу и т.п. <...> В каждом отделении назначаются кашевары и дровосеки <...> Они несут на себе котлы, в коих варится пища; дровосеки обязаны <...> заготавливать дрова, строить шалаши, расчищать под них места, занесенные снегом, а также расчищать... встречающиеся снежные обвалы и другие препятствия; для этого они должны иметь топоры и лопаты <...> При экстренных случаях <...> работают все без исключения. Собственной прислуги иметь никому не позволено, но <...> уважение к людям пожилых лет заставляет молодых прислуживать старикам, хотя бы те были гораздо ниже их происхождением <...> Все одного огня едят вместе и для того кашевары принимают ежедневно по равной части провизию от каждого для приготовления пищи» [66]. Таким образом, в основе этой военной организации лежала сельская или родовая община.

К убыхской тактике мы не можем подойти с точки зрения общепринятых для современного боя положений. Так, традиционное деление боев на наступательный, встречный и оборонительный мало применимо к войнам, которые велись убыхами. Собранный нами материал не позволяет говорить о том, что убыхи когда-либо вели наступление в современном смысле этого слова. Вместо него практиковались молниеносные набеги, без ставки на захват территории, без закрепления на захваченных позициях. Набег в самом своем начале мыслился с последующим отходом. Даже захват убыхами укреплений в 1840 г. не повлек за собою закрепления их в этих пунктах. Они были взяты, уничтожены и броше-

ны. Эта тактика была закономерной в условиях той примитивной дофедеральной общественной организации, которую имели убыхи.

Набеги их были неожиданны и стремительны. Можно сказать, что убыхи были мастерами набега и явно отдавали ему предпочтение среди других видов боя. В нападениях на ближайших соседей сближение не представляло собою больших трудностей, так как в условиях резко пересеченной местности наступление почти начиналось с накопления в ближайшей от противника ложине или лесу. Но при походах в дальние районы и первый этап — сближение — требовал дисциплины марша, походного охранения, организации снабжения и проч.

До нас дошло очень подробное описание зимних убыхских походов на Абхазию. Это описание было составлено абхазским аамыста Соломоном Званбаем. Он говорит, что военачальник партии назначает место для сбора; обычно такое место лежит в расстоянии не более одного перехода от последнего убыхского селения, лежащего на пути движения. На сбор партии от 80 до 3000 чел. требовалось около двух недель. У прибывающих военачальник осматривал одежду и провизию. Каждый обязан был иметь: бурку, башлык, полушубок, две-три пары обуви из сыромятной воловьей кожи, две-три пары теплых (из войлока или сукна) носков и лыжи. Каждый обязан был принести с собою провизию на целый месяц (пшено для пасты, копченое мясо, сыр, масло, перец, соль, варенное на меду тесто). Каждый, за исключением военачальника, нес свое имущество и провизию на себе. Если военачальник находил, что кто-либо явился с меньшим, чем это нужно, количеством провизии или одежды, то изгонял из партии «самым постыдным образом». Когда партия была уже в сборе, то устраивалась проверка (счет). Для этого проходили все под поднятой двумя человеками палкой, в то время как военачальник считал. Иногда вместо такого способа подсчета каждый начальник отдельного огня приносил главному военачальнику столько камушков или кукурузин, сколько было воинов в огне. После проверки назначались головное и тыловое охранения, и на другой день партия выступала в поход. Двигаясь на Абхазию, убыхи, в целях засекречивания марша, пробирались до Главного хребта, и до самой Абхазии их путь лежал по снегам этого хребта. Партия двигалась колонною по два человека в ряду, плотно, пара за парой, причем уход со своего места не разрешался. Если выпадал обильный свежий снег, то в таком случае пять-шесть рядов правого фланга надевали лыжи и протаптывали тропинку для остальной партии. Переходы совершались от одного места ночлега до другого; дневок не делали во избежание неожиданной непогоды. Если с утра погода не предвещала быть хорошей, то партия оставалась на месте ночлега несколько дней, а то и недель, пока снова не наступали ясные и морозные дни. Места ночлегов определялись заранее еще до выступления партии в поход. Обычно

для этого выбирали наиболее неприступные места с наличием леса или кустарника, нужного для разведения костров. Там устраивались четырехугольные шалаши, приспособленные для быстрого выскакивания по тревоге.

На всем пути следования партии ее безопасность обеспечивалась назначаемым военачальником походным охранением. Головное охранение и тыловое следовали на расстоянии полкилометра и более от ядра. Группа, составлявшая головное охранение, высылала от себя трех-четыре дозорных, в число которых назначались лица, хорошо знающие местность. Дозорные, разойдясь по обе стороны дороги, по которой следовала партия, осматривали ущелья и леса. В случае предполагавшейся опасности военачальник следовал в головном охранении; в остальных случаях — при ядре. При прибытии партии к месту ночлега головное и тыловое охранения разделялись на ряд пикетов и занимали ими все главнейшие подступы или командующие над подступами точки. Пока шло размещение партии, пикеты оставались на своих местах. Когда зажигались огни, походное охранение отпускалось на ночлег, их место занимал специально на каждый раз назначавшийся наряд караулов. Если ночь не морозная, то часовые несли наряд бессменно, а в противном случае назначались две-три смены.

В таком порядке двигалась партия убухов до самого спуска в абхазские ущелья. Продвижение было очень медленным (три-пять недель). Не доходя до места, выбранного целью набега, на расстоянии одного усиленного перехода устраивался последний привал. Так как убухи делали свои набеги обычно ночью, перед рассветом, то поэтому, если партия пребывала к последнему месту привала под вечер, она не оставалась на ночлег, а ограничивалась лишь коротким отдыхом. Перед самой атакой военачальник делил партию на три части, из которых одну часть, состоявшую из стариков, неопытной молодежи, кашеваров и дровосеков, определял резервом. Начальство над ним возлагалось на одного из опытных воинов. При резерве же оставляли все лишние тяжести. Остальные две трети партии (из самых отборных) в свою очередь делили на три части: авангард, ядро и арьергард. Задачей авангарда являлось на бегу обогнуть селение с двух сторон и запереть выход из него густой цепью. Ядро врывается в селение, группы от 4-х и более человек стремительно бросались в дома, вязали пленных и захватывали все, что было ценного. Арьергард, прикрывая ядро со стороны сделанного убухами нападения, также образовывал собою цепь, замыкавшую противнику выход из селения. Убухи, совершив набег, недолго оставались в селении. Через пол или три четверти часа, по данному военачальником сигналу, начинался отход. Бывший авангард делался арьергардом и должен был прикрывать собою захваченную ядром добычу. Бывший арьергард превращался в авангард,

двигающийся компактной массой, а часть его рассыпалась по сторонам ядра, образуя собою боковое охранение. Выход из боя совершался так же поспешно, как и штурм.

Достигнув безопасного места, военачальник объявлял короткий привал, во время которого пленных снабжали необходимой одеждой. «Каждый из убыхов дает им что-нибудь из своей одежды. Вообще они с пленными своими обращаются очень человеколюбиво. Бывали примеры, что партия, застигнутая вьюгою и метелью <...> многие отмораживали себе ноги, но одежду, выданную пленным, назад не отбирали». Дойдя до последнего места ночлега, воины занимали свои шалаши, народный лекарь осматривал раненых и оказывал ту или иную полузнахарскую-полумедицинскую помощь, а военачальник назначал людей нести носилки с трупами убитых и ранеными. «От этой обязанности никто не увиливает, напротив считают для себя священным долгом». Следует заметить, что считалось позорным для убыхов оставление тела убитого в руках врага. На ночлеге пленных женщин помещали в особом месте под присмотром старика, в помощь которому назначался караул. На следующий день партия выступала в том же порядке, как и при движении в набег. Остановки устраивались в старых местах. Добравшись до первого сборного места, один из стариков произносил благодарственную молитву за удачный набег. Здесь же происходил и дележ добычи, причем читавшему молитву выдавалась одна из лучших вещей. Военачальнику предоставлялось право выбора любого пленного и по одной штуке каждой вещи. Оставшиеся вещи и пленные делились на равные части между всеми участниками похода, исключая кашеваров и дровосеков. На каждого убитого или попавшего в плен к неприятелю определялась в пользу его родственников двойная доля. Оставшаяся после дележа часть добычи назначалась на поминки по убитым и на выкуп пленных. Так как при дележе обычно один пленный приходился на несколько участников похода, то его отдавали в рабство сразу нескольким лицам, которые после продажи этого раба делили выручку между собою. После окончания дележа добычи расходились по селениям с победными песнями и стрельбой [66].

Приведенное описание С. Званбая зимних походов убыхов на Абхазию есть и в записках Скорятина, который почти слово в слово повторяет С. Званбая, хотя указывает своим источником не его, а устное сообщение офицера, прослужившего 10 лет на Кавказе [136, май, с. 311–313].

Кроме массовых походов на соседние племена, убыхи совершали также набеги малыми группами в 5–6 человек. Такая группа, по словам Сталя, врвалась ночью в селения верхних абдзахов и махошей, бревном выбивала двери домов, связывала сонных, резала сопротивляющихся и, пока разбуженное селение успевало собраться для отпора, бесследно скрывалась с пленными и захваченными вещами. Такие партии черке-

сы, по словам Сталя, называли «унару», т.е. разрушителями домов [139, с. 96].

Убыхи, отличавшиеся стойкостью и дисциплинированностью в бою, имели явное преимущество над противником при столкновении в открытом поле. Например, абхазы, по словам того же С. Званбая, отличаясь меткостью своего огня и, обычно выходя победителями убыхов в боях на пересеченной местности, где большую роль играли личные качества отдельных воинов, в то же время не могли защищаться против сплоченной массы убыхов на открытой местности [66].

Набеги совершались как в конном строю, так и в пешем (как описанные выше зимние набеги на Абхазию). Иногда совместно действовали пешие массы и конные. Если один из недавно писавших авторов указывает, что убыхи, будто бы считали для себя оскорбительным сражаться в пешем строю и воевали исключительно верхом на лошади [11, с. 39], то такое утверждение является просто голословным, легко разбиваемым массой исторических фактов.

Кроме военных экспедиций на суше, убыхи устраивали таковые и на море. Целью их являлся также захват рабов и имущества. Еще Страбон в начале нашей эры. Зарегистрировал на побережье Кавказа пиратские экспедиции туземцев [90, т. I, ч. 1, с. 133–134]. Они продолжались до того момента, когда Россия установила в прошлом столетии систематическое крейсирование сторожевых судов вдоль побережья Кавказа. В начале XIX в. они были очень часты. По словам Дюбуа, байдаки, на которых приморские черкесы и убыхи выезжали в морские экспедиции, были очень узкие и длинные (около 17 м) и без мачт. В каждом таком байдаке помещалось от 40 до 60 человек, из которых две трети выполняли роль гребцов. Байдаки были быстроходны и легки. Плавание совершалось только вдоль берега, без выхода в открытое море. Байдаки нападали на купеческие кочермы. На них же устраивались набеги на соседние племена. Подойдя незаметно к неприятельскому берегу, убыхи (и черкесы) выносили на плечах байдак из воды, прятали его среди леса, а сами отправлялись в набег [58, р. 191–192; 121, с. 31; 113; 143, ч. I, с. 67; 13, с. 400–401]

Оборонительный бой убыхов заключался в том, что создавались заранее (если позволяло время) искусственные укрытия из кучи сложенных бревен, камня или двух параллельных плетней, пространство между которыми засыпалось камнями и землей. Иногда эти «завалы» дополнялись окопами. Часто устраивали две линии таких завалов на случай потери одной из них. Завалы маскировались рельефом местности и зарослями леса и кустарника. Иногда, как это видел Ф.Ф. Торнау у сочинцев, завал устраивался «с фланкирующей его деревянной башней» [143, II, с. 48]. В ожидании противника партия убыхов собиралась недалеко от своей

укрепленной позиции. На завалах же оставались пикеты, которые, в случае тревоги, выстрелом поднимали партию. Убыхи, укрывшись за завалами и подпустив противника на расстояние действительного ружейного огня, давали несколько залпов. За залпами обычно следовала вылазка. Так как убыхи предпочитали стремительные лобовые удары, предпочитали всякий бой свести к рукопашной схватке холодным оружием, то и здесь, в оборонительном бою, широко прибегали к контратакам.

Находясь в основном в лучших материальных условиях, чем другие горские племена Западного Кавказа, убыхи были и вооружены лучше последних. Большинство имело шашки и ружья. Кинжал, пистолет (а то и два пистолета) имелись у каждого [137, № 9, с. 177]. Еще в XIX в. некоторые по старинке ходили вооруженными луком и стрелой. Так, к числу последних принадлежал Хассан-бей Диде [13, с. 31].

Убыхи, выработав свою тактику в условиях межродовых и межплеменных столкновений, имевших целью захват пленных (для работорговли и домашнего рабства), захват скота и другого имущества, в XIX в. оказались лицом к лицу с крепостнической Россией. Начиналась колониальная война, целью которой противник ставил не захват рабов, а покорение или искоренение. Убыхи, для которых эта война оказалась борьбой за независимость, вступили в нее со своим старым оружием и старой тактикой. В процессе войны изменилось и то, и другое.

Познакомившись с действием русской артиллерии, с траекторией гаубичных ядер, они стали в бою подходить почти вплотную к русской линии и тем до некоторой степени обезвреживать себя от артиллерийского огня. Убыхи в борьбе с незнакомыми до того фортификационными укреплениями научились побеждать врага и в таких условиях. Для взятия укреплений научились применять лестницы и крючки. Захватывая в числе трофеев и получая из-за границы артиллерию, убыхи делали заметные успехи и в использовании ее для обстрела русских береговых укреплений. Большую роль в ознакомлении убыхов с новой для них военной техникой играли иностранцы и русские беглецы от крепостных порядков. Они устраивали артиллерийские позиции, учили артиллерийской стрельбе, делали топографические съемки избранных для штурма укреплений и даже вводили особое импровизированное оружие — палку с крючком на одном конце и косою — на другом и пр. Качественно иная война влекла за собою иную технику и иную тактику.

Как известно, в обществе, живущем в условиях родового строя или только вышедшем из него, одним из основных качеств членов такого общества является высокая смелость⁷. Мы целиком присоединяемся к мнению А. Фадеева, что «именно в социальной специфике убыхского

⁷ *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. XVI. Ч. 1. М., Партиздат, 1937. С. 77.

общества, а не в “национальном характере” убыхов, лежат причины их упорства, стойкости, непримиримости и храбрости в борьбе с русским царизмом» [152, с. 146]. А храбрость убыхов была изумительна. Примеры ее не раз будут приведены ниже. Здесь мы ограничимся некоторыми замечаниями отдельных авторов. Так, иногда убыхов скромно называли «очень энергичным» племенем [63, s. 342]. Иногда же дело доходило до опоэтизирования, например: «Гордое и мужественное, здоровое и крепкое племя» [3, № 70], или «В нашей кавказской армии убыхи считаются храбрейшими из горских племен; их очень уважают за неустрашимость и непоколебимое мужество <...> Против убыхов нельзя делать шуточных экспедиций <...> с ними шутки плохи. Это львы в драке <...> Убыхов называют рыцарями гор» [136, май, с. 310–311]. И таких характеристик в кавказоведческой литературе можно найти очень много.

Язык и идеология

Если убыхи своим социальным строем и материальной культурой мало отличались от своих иноплеменных соседей, то в лингвистическом отношении это отличие было ярко выраженным. Убыхи говорили на особом языке, и это является основной причиной считать их отдельной народностью. По известной классификации акад. Н.Я. Марра, этот язык относится к «понтийской приморской двухбассейной ветви» спирантной ветки яфетической системы [103, с. 19]. В эту же группу входят еще два адыгейских (нижне-черкесский, или кяхский, и кабардинский), абазинский и абхазский языки. Причем язык убыхский занимает среднее место между адыгейскими, с одной стороны, и абазинским и абхазским — с другой. В фонетическом отношении он стоит ближе к двум последним, чем к адыгейским [50, s. 415].

О фонетических трудностях, встречающихся при знакомстве иноземцев с этим языком, сами убыхи рассказывали А. Дирру сказку, как послал один шах ученого человека изучать все языки мира и как через пять лет этот ученый продемонстрировал перед шахом свое знание разнообразных языков. Шах спросил: «Что у тебя лежит за плечами в мешке?» Ученый потряс этим мешком, и там застучали камни. «Что это такое?» — спросил шах. «Это, — следовал ему ответ, — убыхский язык» [49, 4, s. 110–111]⁸.

Как бы то ни было, но теперь, после работ П. Услара, А. Дирра и Ж. Дюмезиля, мы можем с полным правом утверждать, что убыхский язык по своей фонетике и грамматике относится к яфетической системе языков. Все предположения о том, что убыхский язык является остатком аланского или древнееврейского, оказались неосновательными.

⁸ Подобные же легенды существуют и в среде соседей убыхов — черкесов и абхазов.